

Напрасно решительно отвергается этимология с.-хорв. *кобѣцати* (и соответственно — болг. *кубѣцам* 'идти, подволакивая ногу') от сложения приставки *ко-* и глагольной основы *баца-* (с. 71).

Ошибочно объяснение формы *кукѹнь* «в сочетании *от кукѹнь дѣда* 'с давних пор'» от *кочѹн*, то же в сочетании *от кочѹн дѣдо* 'с незапамятных времен'» или соответственно — от *кучѹн*, *кучѹн дѣдо* 'прапрадед' (с. 105). Эти слова нельзя рассматривать в отрыве от сербохорватских названий прапрадеда — *чѹкундѣд*, *шукундѣд*, *шикунѹѣд*, *шакунѹѣд*, которые уже очень давно К. Штрекель объяснил из сложения с романским (латинским) *secundus*, см. О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства (М., 1959), с. 70.

Богата материалом статья о слове *кукурѹза* 'кукуруза *Zea maus*' (с. 109 — 111). По-прежнему наиболее сильной стороной этого словаря остается богатство словника, включение множества диалектных, старых и редких слов (хотя лексикографическая обработка и подача этого богатого материала вызывает, как мы видели, серьезные критические замечания). Отметим в этом выпуске форму *крѣчабница* 'корчма' у попа Тодора из Врацы, 1756 г., ср. рус.-цслав. *крѣчьбъникъ*, вариант к *крѣчьмъникъ* 'корчмарь' (с. 64). Полезно обратить внимание на наличие в болгарских народных говорах слова *кузѹнец* 'кузнец' (с. 79), наряду с типично южнославянским *ковач*.

Уровень словаря снижают опечатки, напр. Kluge-Witzka (с. 11), надо Kluge-Mitzka; лш. *skrѣt* (с. 12), надо . . . *skriet*; цит. *kula* (с. 115), надо цит. *kula*.

О. Н. Трубачев

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. В. У. Мартынаў. т. 2. «В». Минск, 1980.

Через два года после выхода в свет первого тома «Этимологического словаря белорусского языка» вышел из печати том второй. Он охватывает отрезок словника на букву в. Во втором томе авторы словаря несколько изменили принципы составления словника: они сделали предметом этимологического анализа всю лексику белорусского языка во всем ее объеме. Такой подход возможен, но словарь в этом случае приобретает характер словообразовательно-этимологического.

Мне представляется, что, сохраняя избранную позицию, все же при составлении словника следовало бы применить более жесткие критерии отбора. Следует ли включать в словник диалектные фонетические варианты? (Ср. статьи на начальное *ву-* из этимологического *вы-*, с. 207—243.) Вряд ли обязательны самостоятельные статьи для глаголов с частицей *-ся*, если в них дается только отсылка на форму глагола без *-ся* (с. 48 и др.). На с. 164 рассматривается слово *вісск* 'скроня', а на с. 162 *віскі* 'скроні', на с. 34 *валатоўка* и *валатоўкі* и т. д. Мне представляется, что от сокращения словник бы только выиграл.

Анализ лексики живого языка требует исключительного внимания к вопросам словообразования. К сожалению, в этом отношении словарь неоднороден. Наряду со статьями, отличающимися большой четкостью,

мы находим статьи, где словообразовательный анализ сведен к отсылке, к указанию на производящее слово или другую статью.

Как и в первом томе, лексические материалы, представленные в Словаре, исключительно богаты. Это и экспрессивная лексика и необычайно ценные диалектные материалы (см. статьи *вырай*, *вырач*, *веснікі* и др.). Словарь читается с большим интересом. Останавливают на себе внимание оригинальные решения, непредвзятый взгляд на многие вопросы, свободное владение этимологической литературой. См. такие статьи как *вѣрасень* (с. 85), *вѣчай* (с. 111), *вѣрзія* 'вялікі чалавек' (с. 156), *вбраж* (с. 196), *вблюднецъ* (с. 267), *вярцел* (с. 315), *вясёлка* (с. 325), *вясёл* 'груз у колодца с журавлем' (с. 327) и др. Великолепна этимология слова *вѣтка* 'толпа' как родственного праславянскому **jata* (с. 330). Следует приветствовать такие статьи, где для неясного слова предлагается несколько возможных этимологических решений (см. статью *варбпаўка* — с. 63.).

Замечания касаются некоторых частных деталей.

(с. 14). Название насекомых *вадамеры* может быть калькой лат. *Hydrometra*.

(с. 20). Слово *военный* образовано не от *voj-* 'воин', а от *воѣна* → *воѣн-внѣжъ*.

(с. 54) Русское диалектное *вѣнзя* образовано от самоназвания народа манси и поэтому вряд ли может быть связано с белорусским словом.

(с. 84) В ряде статей отсутствует изложение этимологических версий, а дается лишь отсылка на другие словари. Это неудобно для читателя (см. статьи *вераме* и др.)

(с. 151) Трудно предположить, что слово *винцерада* заимствовано в белорусский язык из русских донских говоров.

(с. 59). К сожалению, в статье *вараній* не привлекается новый диалектный материал. Ср. впервые данное точное определение значения слова: *вараній* 'чесообразительный, бестолковый человек' (Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1, с. 283). Это определение позволяет понять примеры в словаре Носовича: «Эх ты *воропай!*», где слово *воропай* не значит 'слепец', а значит: Ляціць, як *варанай*, не глядзіць, што уваліцца, ударыцца... Не привлечен в статье и белорусский глагол *ворбпаць* 'неаккуратно складывать в кучу', зафиксированный в рукописном словаре Никифоровского (см. сб. «Народная словатворчасць», с. 296).

Время возникновения слова *воропай*, условно, XIV в., конец древнерусского периода, место — территория будущей Белоруссии. В XV в. мы находим это слово уже в качестве прозвища: Якуш *Ворынай*, 1495 г., Новгород, Васюк Дмитриевич *Ворынай* Нармацкий, 1495 г., Новгород (С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974, с. 72, 213).

В. А. Меркулова